ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ.

Аббасова Дурдона Бахромовна
Магистр университета Вебстера.

Аннотация. В статье рассматривается процесс художественной трансформации демонологических мифологических образов (дэв, пери, аждахо, алвасты) в узбекских народных сказках. Выявлены основные направления трансформации: десакрализация, функционализация, амбивалентное переосмысление и антропоморфизация образа.

Ключевые слова: узбекская народная сказка, мифологический образ, художественная трансформация, дэв, пери, аждахо, десакрализация, демонология.

Annotatsiya. Maqolada o‘zbek xalq ertaklarida demonologik mifologik obrazlar (dev, pari, ajdaho, alvasti) badiiy transformatsiyasi jarayoni tadqiq etiladi. Transformatsiyaning asosiy yo‘nalishlari: desakralizatsiya, funksionalizatsiya, ambivalent qayta talqin va antropomorfizatsiya aniqlangan.

Kalit so‘zlar: o‘zbek xalq ertagi, mifologik obraz, badiiy transformatsiya, dev, pari, ajdaho, desakralizatsiya, demonologiya.

Abstract. The article examines the artistic transformation of demonological mythological images (dev, pari, ajdaho, alvasti) in Uzbek folk tales. The main directions of transformation are identified: desacralization, functionalization, ambivalent reinterpretation and anthropomorphization of the image.

Keywords: Uzbek folk tale, mythological image, artistic transformation, dev, pari, dragon, desacralization, demonology.

Введение

Узбекская народная сказка является одним из наиболее устойчивых жанров национального фольклора, в котором на протяжении многих столетий сохранялись и одновременно переосмыслялись архаические мифологические представления народа. Образы дэва, пери, аждахо и алвасты в древности были объектами реальной веры и ритуальной практики, однако в сказочном повествовании они утрачивают сакральный статус и становятся элементами художественной системы, подчинёнными законам сюжета и эстетической задаче рассказчика. Именно этот процесс перехода от мифологического сознания к художественному вымыслу принято обозначать понятием художественной трансформации. Его изучение имеет принципиальное значение для понимания исторической эволюции узбекского фольклора, механизмов жанрообразования и специфики национальной картины мира.

Методология и анализ литературы

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический, структурно-типологический и историко-генетический подходы, а также метод теоретического анализа и обобщения научной литературы. Фундаментальной опорой для изучения сказочного персонажа служит концепция В.Я. Проппа, который показал, что волшебная сказка обладает

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

устойчивым набором функций действующих лиц, тогда как сами персонажи могут меняться [1]. В последующей работе учёный раскрыл историческую связь сказочных мотивов с обрядами инициации и представлениями о мире мёртвых, тем самым обосновав генетическую зависимость сказки от мифа и ритуала [2]. Е.М. Мелетинский развил эту мысль, рассматривая переход от мифа к сказке как процесс ослабления веры в достоверность повествования, перенесения действия из сакрального времени в неопределённое прошлое и смещения интереса с космогонии на судьбу отдельного героя [3].

В узбекской фольклористике проблематика сказки получила разработку в трудах М.И. Афзалова, который предложил классификацию узбекских сказок и охарактеризовал их основные образы, в том числе фантастических персонажей [4]. К. Имомов в монографии об узбекской народной прозе проследил жанровые границы между мифом, легендой, преданием и сказкой, что позволяет точнее определить момент, когда мифологический персонаж становится сказочным [5]. Особое значение для нашей темы имеет исследование М. Жураева, посвящённое понятию «волшебного мира» в узбекских волшебных сказках, где показано, что пространство обитания дэвов и пери организовано по мифологическим моделям, но наполнено художественным содержанием [6]. Б. Саримсаков, изучая узбекский обрядовый фольклор, выявил древние верования, связанные с духами и защитой от злых сил, которые служат субстратом многих сказочных образов [7]. Этнографическую основу для интерпретации демонологии предоставляют материалы Г.П. Снесарева о домусульманских верованиях узбеков Хорезма, где подробно описаны представления об алвасты, пери и иных духах [8]. Из зарубежных работ существенны труд М. Элиаде, рассматривающий миф как сакральную историю, утрачивающую при профанации свою истинность [9], и классическое исследование С. Томпсона, обосновавшее мотивный подход к сравнительному изучению сказок разных народов [10].

Результаты и обсуждение

Анализ научной литературы и опубликованных сказочных текстов позволяет выделить несколько взаимосвязанных направлений художественной трансформации демонологических образов. Первым и наиболее общим направлением является десакрализация. В мифологическом сознании дэв воспринимался как реальная враждебная сила, требующая обрядового противодействия, тогда как в сказке он становится персонажем, исход столкновения с которым заранее предопределён победой героя. Если, по наблюдению М. Элиаде, миф сообщает истину о мироустройстве [9], то сказка сообщает лишь занимательную историю, и это коренным образом меняет статус демонологического существа. Вторым направлением выступает функционализация. В соответствии с концепцией В.Я. Проппа демонологический персонаж в сказке определяется прежде всего тем, какую функцию он выполняет в развитии сюжета [1]. Дэв обычно занимает позицию антагониста, похитителя или стража заколдованного пространства, аждахо выступает препятствием на пути героя или поглотителем вод, а пери часто становится дарителем, помощницей или желанной невестой. Таким образом, образ, некогда обладавший самостоятельной мифологической биографией, превращается в носителя сюжетной роли.

Третьим направлением является амбивалентное переосмысление образа. В домусульманских верованиях пери, как показывают материалы Г.П. Снесарева, были существами опасными, способными насылать болезни и безумие [8]. В сказке же пери преимущественно предстаёт прекрасной девой, воплощением идеала красоты и верности, а её опасная природа сохраняется лишь в отдельных мотивах, например в запретах, нарушение которых ведёт к утрате возлюбленной. Аналогичным образом дэв, оставаясь в целом отрицательным персонажем, в ряде

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

сюжетов становится побратимом героя, его слугой или наставником. Подобная двойственность, на наш взгляд, свидетельствует о том, что сказка сохраняет память о неоднозначности архаического божества, но перераспределяет её признаки в соответствии с этической оценкой. Четвёртым направлением следует считать антропоморфизацию. Сказочный дэв живёт в доме, имеет мать, сестёр и семейный уклад, вступает в диалог и торгуется с героем, нередко проявляя простодушие и глупость. Наделение демонического существа человеческими чертами снижает его устрашающий потенциал и создаёт условия для комического эффекта, что особенно заметно в бытовых и новеллистических сказках, где обманутый дэв становится объектом насмешки. Такое сближение демонологического персонажа с миром людей подтверждает вывод Е.М. Мелетинского о том, что сказочная поэтика смещает внимание с космического конфликта на социальные и семейные отношения [3]. Важно отметить и национальную специфику трансформации. Исследования М.И. Афзалова и К. Имомова показывают, что в узбекских сказках демонологические образы тесно переплетаются с исламскими представлениями о джиннах и с героико-эпической традицией [4; 5], а работа М. Жураева демонстрирует, что сказочный волшебный мир сохраняет мифологическую вертикаль, но превращается в художественное пространство испытаний [6]. Сопоставление с материалом международного указателя мотивов С. Томпсона подтверждает, что узбекские демонологические образы вписываются в общий евразийский фонд, сохраняя при этом своеобразие, обусловленное синтезом тюркских, иранских и исламских элементов [10].

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что художественная трансформация демонологических образов в узбекских народных сказках представляет собой закономерный и многоуровневый процесс, отражающий переход от мифологического мировосприятия к эстетическому. Дэв, пери, аждахо и алвасты, утрачивая сакральную достоверность, приобретают устойчивые сюжетные функции, получают этическую оценку и наделяются человеческими чертами, что делает их полноценными художественными образами. Выделенные направления трансформации, а именно десакрализация, функционализация, амбивалентное переосмысление и антропоморфизация, действуют в единстве и взаимно дополняют друг друга.

Список литературы

1. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
4. Афзалов М.И. Ўзбек халқ эртаклари ҳақида. Тошкент: Фан, 1964.
5. Имомов К. Ўзбек халқ прозаси. Тошкент: Фан, 1981.
6. Жўраев М. Ўзбек халқ сеҳрли эртакларида «сеҳрли олам» тушунчаси. Тошкент: Фан, 1991.
7. Саримсоқов Б. Ўзбек маросим фольклори. Тошкент: Фан, 1986.
8. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
9. Eliade M. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963.
10. Thompson S. The Folktale. New York: Dryden Press, 1946.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.